

УДК 101

DOI 10.17072/2076-0590-2023-11-33-40

ФИЛОСОФ МЕЖДУ ПУБЛИЧНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ

Е.В. Бакеева

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры онтологии и теории познания
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: elenabk2008@yandex.ru

Рассматривается вопрос о соотношении приватности и публичности в деятельности философа в аспекте онтолого-топологической проблематики. Ключевой идеей работы выступает тезис о границе как «месте» философии. В опоре на данный тезис раскрывается невозможность полного приобщения философа к публичному или приватному пространству по причине их «внутримирного» характера. Философия, напротив, выступает условием становления как «общего», так и «частного» измерения человеческого существования – в силу того, что она актуализирует событийное пространство «между...» как условие бытия. В данном отношении любая стратегия жизни философа может способствовать выполнению этой задачи. Пространство «между...» может быть открыто из любой содержательно определенной позиции, будь то общественно значимый статус или статус частного лица.

Ключевые слова: философ, философия, публичное, приватное, граница мира

В кризисные времена, отмеченные потрясением основ человеческого существования, ростом нестабильности и, соответственно, неуверенности в завтрашнем дне, всегда возрастает внимание общества к голосу авторитетных фигур (вне зависимости от того, кто выступает в качестве таковых). Представляется, что именно с этим обстоятельством связана обостренная, а временами и истерическая, реакция масс на те или иные высказывания и действия, исходящие от известных спортсменов, актеров, писателей и других публичных фигур.

Философы, на первый взгляд, к перечню таковых не относятся; в данном отношении они, скорее, находятся в ряду тех, чья деятельность, при всей своей общественной значимости, зачастую остается вне фокуса внимания широкой публики. Тем не менее, именно в периоды исторических потрясений всякий раз обостряется дискуссия, зародившаяся вместе с самой философией и связанная с вопросом о взаимоотношениях философа и общества. Данный вопрос имеет множество граней: может ли (и если да, то насколько заметно) философ влиять на политические решения и процессы?

В состоянии ли «широкие массы» более или менее адекватно усвоить и освоить ту или иную философскую концепцию? Должен ли философ активно «продвигать в массы» свои идеи или, напротив, ему лучше дистанцироваться всяческой «злости дня»? – Эти и многие другие вопросы составляют проблемное поле темы «философ и общество», в очередной раз приобретающей сегодня особую актуальность.

Представляется, что эта многогранная проблематика не может быть осмыслена без актуализации еще одного вечного философского вопроса: а именно, вопроса о *месте* философа системе общественных отношений. При этом данный вопрос следует трактовать как по преимуществу онтологический, а это означает, что речь здесь должна идти о *топологии* – не в конкретно-научном, но в фундаментальном смысле этого слова. Данный смысл предполагает осмысление *топоса мысли* как своего рода «места мест», имеющего парадоксальный характер. Речь идет о том, что не вписано в мир, но выступает его *живой границей* – живой постольку, поскольку эта граница существует только в акте своего воспроизведения или о-существления.

Этот пограничный характер философии, на первый взгляд, свидетельствует о *неуместности* (в буквальном смысле слова) философа как публичной фигуры. Поручкой тому – тысячелетняя традиция толкования философии как прибежища аристократии духа, восходящая (в европейской мысли) еще к Пармениду и Гераклиту. Между тем данная традиция крайне редко помещает философа в башню из слоновой кости: гораздо чаще аристократизм философии носит парадоксальный характер, в силу которого последняя, будучи «отделенной от всего» (Гераклит), в то же время является чем-то предельно насущным для мира, общества и человека. Так, М. Хайдеггер в своей работе «Парменид» замечает: «Таким образом, уже эллинство, которому “философия” и “философы” обязаны своим именованьем и своей сущностью, довольно хорошо знало, что мыслители “далеки от жизни”, однако все дело в том, что из этой “удаленности” греки и делали вывод: именно по этой причине для сущностно человеческой природы мыслители являются самыми необходимыми людьми» [1, с. 218-219]. Заметим в скобках, что публичная позиция самого Хайдеггера оказалась поводом для различных недоразумений во многом по причине игнорирования этого парадоксального момента (см., например: [2]).

В данном отношении очень показательной является позиция Платона, выразившего вышеупомянутый парадокс с исключительной силой. С одной стороны, сама природа философии кажется несовместимой с суровой реальностью, в которой «толпе не присуще быть философом» [3, с. 338]. В этой реальности царит не философ, а софист, приноравливающийся к мнению толпы как «огромного зверя»: «...что тому приятно, он называет

благом, что тому тягостно – злом и не имеет никакого иного понятия об этом, но называет справедливым и прекрасным то, что необходимо; а насколько по существу различна природа необходимого и благого, он не видит и не способен показать это другому человеку» [3, с. 337].

Вместе с тем это решительное размежевание области чистой мысли, где обитают столь же чистые душой, любящие истину философы, и области, в которой царит толпа и потакающие ей софисты, сопровождается у Платона требованием к философу – оставить безмятежный приют мысли и погрузиться в жизнь. В платоновском идеальном государстве философы «должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни» [3, с. 363]. Более того: сам платоновский тезис о том, что в идеальном государстве править должны именно философы, который традиционно объясняется «идеализмом» греческого философа, получает в диалоге «Государство» еще одно обоснование, на которое редко обращают внимание. Это обоснование также имеет парадоксальный характер: согласно Платону, властью в государстве должен обладать именно тот, для кого сама по себе власть не имеет никакой ценности и, более того, есть нечто нежелательное – просто в силу того, что выступает помехой на пути к вышеназванной области чистой мысли. «Так уж обстоит дело, дорогой мой, – говорит своему собеседнику платоновский Сократ. – Если ты найдешь для тех, кому предстоит править, лучший образ жизни, чем обладание властью, тогда у тебя может осуществиться государство с хорошим государственным строем. Ведь только в таком государстве будут править те, то на самом деле богат, – не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью. Если же бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя, внутренняя война губит и участвующих в ней, и остальных граждан» [3, с. 363–364].

Оставляя в стороне политологические и социально-психологические аспекты этой позиции, обратим внимание именно на онтологический (топологический) аспект, в свете которого как раз и становится явным вышеупомянутый парадокс. Речь идет ни много ни мало о том, что осмысленные и эффективные действия в мире (в измерении «внутримирных» вещей, явлений и процессов) возможны только в том случае, если действующий находится (находит себя) *на границе мира*. Выход на эту границу осуществляется путем преодоления в себе всего «внутримирного», само же это преодоление достигается в движении «поворота глаз души», по выражению Платона. Данный поворот и есть парадоксальный, немислимый прыжок – трансцендирование, в котором

взгляду открывается условный, вторичный характер всего «внутримирного» и – одновременно – невозможность выгородить для себя отдельное уютное пространство чистой мысли, недостижимое для «темных сторон жизни». Это открытие означает, соответственно, недоступность для философа не только позиции *полной публичности*, но и позиции *полной приватности*. Философский акт не вписывается в эту оппозицию, предваряя ее. Как замечает М.К. Мамардашвили, «<...> в цепочке наших мыслей и поступков философия есть пауза, являющаяся условием этих (направленных на конкретную цель – Е.Б.) актов, но не являющаяся никаким из них в отдельности. Их внутреннее сцепление живет и существует в том, что я назвал паузой» [4, с. 58].

Мысль, рождающаяся на границе мира, именно поэтому обращена к миру в целом (или к *целому миру*). По этой простой причине она никогда не может быть приватизирована: будучи помещена в «место» личного пользования, мысль лишается важнейшего условия своего существования и, соответственно, смысла, который по определению не может быть *частичным*. Этот неустранимо единый и неделимый характер мысли выступает причиной невозможности для философа занять позицию, к примеру, стойка или эпикурейца, отгородившись от мира. При всем различии этих позиций их объединяет как раз «всечеловеческий» смысл: даже провозглашение философом своей независимости от бушующих вокруг социальных бурь обращено не ко *всем*, но к *каждому*, кто может именоваться человеком.

Весьма показательной в данном отношении является позиция Мишеля Монтеня, который, как известно, был убежденным сторонником радостей частной жизни. Интересно, что сами жизненные обстоятельства Монтеня могут служить хорошей иллюстрацией к платоновской концепции, которая утверждает, что требование выполнять миссию общественного служения предъявляется в первую очередь именно к тем, кто к этому служению не стремится. Должность мэра Бордо, предложенная философу, не вызвала у него ни малейшего энтузиазма, но обстоятельства сложились так, что Монтеню пришлось ее занять. Поясняя свою позицию, французский мыслитель замечает: «Кто в некоторой мере не живет для других, тот совершенно не живет для себя. <...> Кто забывает о том, что ему следует жить свято и праведно, и думает, что, подталкивая и направляя других, тем самым рассчитывается по лежащему на нем долгу, тот – глупец и тупица; а кто отказывает себе в удовольствии жить здраво и весело и полностью отдается служению на благо другим, тот, по-моему, также избирает себе плохой и противоестественный путь» [5, с. 440].

На первый взгляд, эта сентенция представляет собой довольно плоский призыв придерживаться в своем существовании «золотой середины», не вдаваясь в крайности. Однако это утверждение может быть прочитано и

более глубоким образом: как констатация той парадоксальной «локализации» мысли, о которой говорилось выше. Мысль рождается и существует на границе, то есть – в том странном пространстве «между...», которое разделяет и соединяет все существующее *событийным образом*. Сама граница, стало быть, не находится там-то и там-то, но прочерчивается или прокладывается актом осуществления мышления и бытия. Только «изнутри» данного акта и открывается очевидность противоестественности двух описанных Монтенем крайностей: и позиция служения обществу, и позиция, отстаивающая сугубо частную жизнь, одинаково затронуты пороком «теоретизма», по меткому выражению М.М. Бахтина [6, с. 18]. Обе позиции носят сугубо «внутримирный» характер, будучи чем-то вторичным по отношению к мысли как таковой, не сводимой к тому, *что может быть сказано*, всегда выходящей за рамки общеупотребительного языка.

Философ же есть именно тот, кто указывает на невозможность передачи смысла непрерывным образом, через посредство общего языка. Именно потому, что мысль рождается в событийном пространстве «между...», она дискретна по определению и требует от каждого собственноличного акта понимания.

В таком случае дело философа заключается именно в том, чтобы вновь и вновь осуществлять данный акт трансцендирования всего «внутримирного», прочерчивая границу мира и открывая вышеназванное пространство «между...». Именно здесь и локализуется *смысл* – как искомое для философа, да и для всякого человека. Как верно замечает Р.А. Лошаков, «смысл не идеален, а *пограничен*» [7, с. 909]. Таким образом, философский акт не может быть квалифицирован ни как публичный, ни как приватный, коль скоро и то, и другое – нечто уже «внутримирное», несущее на себе отпечаток того или иного миропорядка. Данный акт совершается в личностном измерении, всегда выходящем за рамки мира как совокупности всего сущего. Именно поэтому парадокс здесь неизбежен: совершаясь во имя *себя*, действие прочерчивания границы мира расширяет это «себя» до Целого, приобретая тем самым общечеловеческий характер.

Данное действие, будучи *событием*, оказывается принципиально неопределенным в содержательном смысле. Это означает, что философским его делает не принадлежность к области публичного или приватного, но сугубо формальное «свойство» выступать границей мира. Выход к этой границе возможен из любой точки, принципиально важным остается именно то, что это – выход к истоку. Именно «необобщаемость» этого истока делает необходимой философию. Постановка под вопрос *себя* есть одновременно проблематизация «сообщества», на что указывает Ж.-Л. Нанси: «Это “сообщество” без общего истока. Итак, поскольку философия – это вопрошание о происхождении, полис является ее проблемой, а не субъектом или пространством. Или даже он является ее

субъектом или пространством в зависимости от способа рассмотрения, в данном случае – апории. Но философия, со своей стороны, есть вопрошание об истоке лишь при условии диспозиции логоса (то есть обретенного и проговоренного истока): логос – это опространствование в самом местоположении бытия. Итак, философия – это проблема полиса: она скрывает от него субъекта, ожидаемого как “сообщество”» [8, с. 48].

Сообщество, стало быть, не есть, но *рождается* в акте философского «вопрошания об истоке». Очевидно, однако, что так понимаемое сообщество имеет мало общего с публичностью в расхожем смысле слова. Подобную публичность, скорее, следует истолковать в смысле хайдеггеровского «das Man» как «пространства» болтовни. Означает ли это, что подлинное сообщество невозможно вне философии? При всей радикальности этого утверждения оно не лишено оснований. Публичное пространство наполняется смыслом только при условии постановки «последних вопросов», о чем бы ни шла речь в том или ином случае. В противном случае сфера публичного превращается в арену бесконечной и бесплодной борьбы, иллюстрацией которой выступают многочисленные ток-шоу. В данном отношении можно согласиться с Н.Ю. Козловой, говорящей о том, что философ не должен претендовать на роль эксперта в общественной жизни, но может «внести свой вклад в достижение обществом своего “совершеннолетия”» [9, с. 190].

Вместе с тем и подлинная приватность недостижима вне трансцендирующего усилия. К настоящему *себе* можно прийти, только отказавшись отождествлять себя с той или иной категорией сущего. Где проходит граница, очерчивающая мое частное пространство? Может быть, вблизи от моего тела? Но именно моя телесная жизнь чревата множеством ситуаций, самым вопиющим образом нарушающих и разрушающих какую бы то ни было приватность. Возможно, частное пространство – это «ближний круг», семейный и родственник? Но родовое зачастую как раз выступает угрозой и ограничением для того, что «только мое».

Наконец, возможно, частное пространство – это то, что называют «внутренним миром», говоря языком древних – душа в противоположность телу, принадлежащему сфере общего? Но где проходит граница души, Psyche? Владимир Бибихин говорит в курсе лекций «Собственность»: «Я не знаю, что такое психика, мне не удастся понять определения психики. Иногда они возвращают к аристотелевскому определению: душа есть некоторым образом все» [10, с. 231]. Психика может всего лишь фиксировать окружающую действительность, и в этом случае само разделение публичного и частного теряет всякий смысл. А может, напротив, выступить «инструментом» трансцендирующего усилия – и тогда станет, пользуясь выражением Хайдеггера, «просветом Бытия». В этом просвете открывается, что «...свое нам все. Наша собственность Бог, наше

родное мир. Наша война за то, чтобы мир и бог не были нам подменены, подсунуты. Очень много структур, к которым можно подключиться, в которые вписаться. Война идет за *разрыв* этих структур там, где они выпадают из собственно своего в свою собственность» [10, с. 234]. Упомянутая философом война – это, конечно, гераклитовский *полюмос*, ведущийся с *миром* за *мир*, коль скоро мир всегда чреват опасностью сведения себя к только лишь сумме «внутримирных» вещей. Эта опасность реализуется всякий раз, когда эти вещи соединяются в упомянутые структуры, заполняющие мир и не оставляющие в нем пространства для смысла. Разрыв этих структур (в том числе и той структуры, которая лежит в основании оппозиции публичного и частного) и, тем самым, высвобождение пространства «между...», есть дело философии.

Список литературы

1. *Хайдеггер М.* Парменид. Пер. с нем. А.П.Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 383 с.
2. Поэты и философы в публичном пространстве: взгляд Х. Арентс // Вестник СПбГИК. 2022. №1 (50) С. 59–65.
3. *Платон* Федон. Пир. Федр. Парменид. М.: Мысль, 1999. 528 с.
4. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. – 415 с.
5. *Монтень М.* Опыты. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 544 с.
6. *Бахтин М.М.* Работы 20-х гг. Киев: Next, 1994. 383 с.
7. *Лошаков Р.А.* Смысл как событийность языка // Мера вещей. Человек в истории европейской мысли. М.: Аквилон, 2015. С. 900–919.
8. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
9. *Козлова Н.Ю.* В проблемном поле публичной философии // Вестник РУДН, Серия: Философия, 2022. Vol. 26 No. 1. С. 178–193.
10. *Бибихин В.В.* Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.

A PHILOSOPHER BETWEEN PUBLICITY AND PRIVACY

Elena V. Bakeeva

Ural Federal University
51, Lenina St., Ekaterinburg, 620083, Russia

The article deals with the question of the relationship between privacy and publicity in the activity of a philosopher in the aspect of ontological and topological issues. The key idea of the work is the thesis about the border as the “place” of philosophy. Based on this thesis, the impossibility of the philosopher's full involvement in public or private space is revealed due to their “intramural” nature. Philosophy, on the contrary, acts as a condition for the formation of both “general” and “private” dimensions of human existence – due to the fact that it actualizes the event space “between...” as a condition of being. In this regard, any strategy of the philosopher's life can contribute to the fulfillment of this task. The space “between...” can be opened from any meaningfully defined position, whether it is a socially significant status or the status of a private person.

Keywords: philosopher, philosophy, public, private, border of the world.